

DOI 10.46741/2686-9764-2020-14-2-167-176
УДК 349.9.018.3

Причины насилия в семье

Ю. М. АНТОНЯН

Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0030-3031>, e-mail: antonyaa@yandex.ru

Реферат. В статье предпринята попытка определить природу семьи и на этой основе исследовать причины насилия в ней, обязательно учитывая внешние социальные условия ее существования. Причины насилия в семье рассмотрены в контексте причин насилия в целом. В поисках причин семейного насилия автор исходит из общего положения о том, что у человека есть инстинкт агрессии как наследство

человекообразных предков, с которым он не в состоянии справиться. Насилие, пережитое в детстве и ранней юности, убеждает человека, что только его собственная сила является надежной и что удовольствие насильственного контроля является единственной альтернативой его страданиям и способом защиты. Высказано мнение, что насилие как часть агрессии может быть злокачественным и доброкачественным (по Э. Фромму) и передаваться биологическим путем из поколения в поколение как одна из форм и условий жизнедеятельности человека. Автор приходит к выводу, что насилие – естественная склонность человека, акцентирует внимание на том, что сама природа агрессивна, когда на планете происходят землетрясения, наводнения, эпидемии и т. д. Высказывается мнение о том, что острые конфликты неизменно вредят воспитанию детей, трудовой деятельности, проведению досуга, состоянию здоровья, порождают преступное поведение.

Причины насилия в семье автор делит на группы (внутрисемейные, внешнесоциальные, экономические, «медицинские», индивидуальные), не углубляясь в исследование каждой из них. Объектом изучения становятся наиболее важные проблемы семейного насилия (семейное воспитание, страх смерти). В подтверждение своих выводов автор приводит яркие примеры из практики.

Ключевые слова: семья; насилие; причины насилия; общие детерминанты насилия (агрессии); тревога; страх смерти; мать; отец.

12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право

Для цитирования: Антонян Ю. М. Причины насилия в семье. *Пенитенциарная наука*. 2020; 14(2):167–176. DOI 10.24411/2686-9764-2020-167-176.

Causes of domestic violence

YU. M. ANTONYAN

the Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0030-3031>, e-mail: antonyaa@yandex.ru

Abstract. The article attempts to determine the nature of the family and on this basis to investigate the causes of violence in it, necessarily taking into account the external social conditions of its existence. The causes of domestic violence are considered in the context of the causes of violence in general. In searching for the causes of domestic violence, the author proceeds from the general position that a person has an instinct of aggression as a legacy of anthropoid ancestors, with which he is unable to cope. The violence experienced in childhood and early adolescence convinces a person that only his own strength is reliable and that the pleasure of violent control is the only alternative to his suffering and a way of protection. It has been suggested that violence as part of aggression can be malignant and benign (according to E. Fromm) and transmitted biologically from generation to generation as one of the forms and conditions of human life. The author concludes that violence is a natural tendency of a person, focuses on the fact that nature itself is aggressive when earthquakes, floods, epidemics occur on the planet. It is suggested that acute conflicts invariably harm the upbringing of children, labor activities, leisure activities, health conditions, give rise to criminal behavior.

The author divides the causes of domestic violence into groups (intrafamily, external social, economic, “medical”, individual), without delving into the study of each of them. The object of study is the most important problem of family violence (family education, fear of death). In support of his conclusions the author gives vivid examples from practice.

Key words: family; violence; causes of violence; common determinants of violence (aggression); anxiety; fear of death; mother; father.

12.00.08 – Criminal law and criminology; penal law

For citation: Antonyan Yu. M. Causes of domestic violence. *Penitentiarnaya nauka = Penitentiary Science*. 2020; 14(2):167–176. (In Russ.). DOI 10.46741/2686-9764-2020-14-2-167-176.

Причины насилия в семье представляют собой заметную часть общих причин агрессивной преступности. Однако установить их природу мы обязаны, несмотря на всю слож-

ность и неочевидность данного явления, но в этом как раз и состоит предназначение науки. И здесь недостаточно одних только эмпирических данных, даже полученных пу-

тем квалифицированных психологических и психиатрических изысканий. Необходима общая теория причин семейного насилия, которая позволит выработать практические меры по его предупреждению, хотя не следует обольщаться по поводу того, что можно вообще искоренить это явление.

В поисках причин семейного насилия нужно исходить из общего положения, что у человека есть инстинкт агрессии как наследство человекообразных предков, с которым он не в состоянии справиться. Главная опасность этого инстинкта состоит в спонтанности, неочевидности, неспособности личности обеспечить его постоянный контроль.

Сразу же надо отметить, что семья представляет собой не только социальную, но и биологическую группу, необходимую для существования человечества. В семье имеет место противоречие между ее социальным и биологическим (продление вида) назначением и потребностями (часто бессознательными) отдельного человека, которому требуется естественное и очень важное для него жизненное пространство, где он мог бы удовлетворить свои социальные и биологически обусловленные тенденции. Семья, иначе говоря, ограничивает, иногда очень существенно, его жизненные потенции, что не в равной степени относится к мужчине и к женщине. Последняя, как известно, в силу своего биологического призвания значительно лучше адаптирована к стеснению. Его способны переживать не только, конечно, супруги, но и любой член семьи. Названные противоречия как раз и порождают конфликты, хотя не все правонарушения порождаются именно конфликтами.

Конфликты за лидерство в семье или какой-нибудь иной статус, постоянный или временный, представляют собой стремление обеспечить себе наилучшие условия жизни, которые, по ощущениям члена семьи, ему необходимы. Причем противоречия здесь, особенно в случаях соперничества за верховенство, могут приобретать гротескный характер, чего, к сожалению, обычно не понимают участники «схватки».

О. Кернберг считает, что сильная привязанность к фрустрирующей матери является главным источником превращения ярости в ненависть. Причиной данного превращения является фиксация на травматических отношениях с фундаментально необходимым объектом, переживаемым как абсолютно плохой и разрушивший или поглотивший идеальный, абсолютно хороший объект.

Имеющее характер мести разрушение этого плохого объекта направлено на магическое восстановление абсолютно хорошего, но процесс мести ведет к разрушению самой способности «Я» к отношениям с объектом. Это превращение принимает форму не просто идентификации с объектом (матерью), но с отношением с нею, так что ненависть матери как преследователя, приводящая к боли, бессилию, чувству парализованности, также превращается в идентификацию с ней как с жестоким, всемогущим, разрушительным объектом. В то же время возникает потребность в поиске других объектов, на которые проецируется атакуемое, презируемое и унижаемое «Я». Идентифицируясь как со страдающим «Я», так и с садистским объектом, субъект сам оказывается поглощенным всеобъемлющей агрессией этих взаимоотношений [1, с. 125].

Позицию О. Кернберга можно интерпретировать так: страдание выливается в ненависть как основной способ мстительного триумфа над объектом, триумфа также над внушающей ужас репрезентацией «Я». Это достигается посредством проективной идентификации и символической мести за прошлые страдания. В целом мы рассматриваем выводы О. Кернберга как совпадающие с нашими, которые следует дополнить тем, что насилие, пережитое в детстве и ранней юности, убеждает человека, что только его собственная сила является надежной и что удовольствие насильственного, в том числе садистского, контроля является единственной альтернативой его страданиям и способом защиты.

Главная проблема в поисках детерминации насилия в семье состоит в том, чтобы выяснить, насколько условия существования семьи и каждого человека в ней ответственны за возникновение у него желания прибегнуть к насилию, причем такое желание следует расценивать как решение своей жизненной задачи. Успех здесь может доставить ему удовлетворение (удовольствие, если прибегнуть к психоаналитической терминологии). Недостижение требуемого результата способно породить новые конфликты, в том числе внутриличностные, связанные с унижением «Я», что для личности может быть совершенно неприемлемо. Известно, что человек способен принимать самого себя, если он адекватен некой виртуальной модели, которая им же формируется. Поэтому посягательство на «Я» всегда травматично, равно как и недостижение идентификации с моделью.

Э. Фромм считал, что объяснение жестокости и деструктивности человека следует искать не в унаследованном от животного разрушительном инстинкте, а в тех факторах, которые отличают человека от его животных предков. Он ссылается на Л. фон Берталанфи, который писал, что «в человеческой психике, без сомнения, есть некоторые деструктивные тенденции, которые похожи на биологические задатки. Однако самые угрожающие формы агрессивности далеко выходят за рамки проблемы самосохранения и саморазрушения. Они коренятся в собственно человеческой форме жизни, которая выше биологической и специфика которой обусловлена способностью к абстрактному мышлению, к созданию особого символического мира мысли, речи и общения» [3, с. 163].

Нет никаких оснований полагать, что человеческая агрессия и жестокость наследуются от животных. Понятие жестокости вообще неприменимо к ним, а агрессивны они в основном потому, что сталкиваются с необходимостью добывать пищу, обеспечивать себе пространство для жизни, защищать детенышей, отгонять (побеждать) соперника и овладевать самкой. Как и люди, животные испытывают удовольствие, в чем можно легко убедиться, почесав своей собаке живот или за ушами, однако они никогда не бывают жестоки и не проявляют агрессии ради агрессии, не нападают с целью получения удовольствия, как люди, никогда не мучают жертву. Э. Фромм приводит убедительный пример игры кошки с мышью: кошка делает это не для того, чтобы помучить мышь перед смертью, а только ради самой игры, так же кошка будет поступать в отношении любого движущегося предмета, например мотка шерсти.

Таким образом, мы видим, что человеческая агрессия резко отличается от агрессии животных прежде всего своей природой. Следует согласиться с мнением Л. фон Берталанфи, что агрессивность людей коренится в собственно человеческой форме жизни.

Людям свойственны агрессивность и агрессия не потому, что они их унаследовали от животных, а вследствие того, что они часть живого (животного) мира и поэтому не могут существовать без насилия для удовлетворения своих потребностей. Агрессия у людей и животных разная, и уже поэтому первые никак не могут унаследовать ее вторых. Злокачественная (по Э. Фромму) агрессия – с целью получения удовольствия, при-

чинение жертве мучений, издевательства над ней, убийства из мести и т. д. – сформирована у человека после его появления на Земле независимо от животных. Дело в том, что рождение и развитие человеческих существ проходило в обстановке постоянных опасностей и угроз – со стороны природного окружения, зверей, других людей, непонимания их и самого себя. Вот тогда, на заре человечества, и возникли особенности его агрессии и способы ее реализации, но не сразу, конечно, а постепенно, очень постепенно. Благодаря своему мозгу только человек мог охватить окружающие его угрозы во всей их тотальности и сложности. Возникшие в этой связи переживания и эмоции у первых людей, как можно предположить, осели и закрепились в психике, в ее глубинах и, по всей видимости, также в биологии.

М. Элиаде и И. Кулиано писали, что эпохой мезолита следует датировать типично мужские обряды подражания хищникам. В начале 1970-х гг. появилась этнологическая фикция, согласно которой подобное поведение является куда более древним и связано с самим зарождением человеческого рода. Некоторые этнологи даже утверждали, что кровожадная агрессивность будто бы является проклятием нашей расы (под расой, по-видимому, авторы понимают все человечество. – Ю. А.). На самом деле, это всего лишь бездоказательные гипотезы, отражающие убеждения отдельных ученых в определенные эпохи. Охотничий инстинкт возник сравнительно недавно и не может служить главным фактором, определяющим историю человечества [4, с. 231]. Действительно, охотничий инстинкт не может служить главным фактором, определяющим историю человечества, однако в другими приведенными здесь положениями трудно согласиться. Прежде всего, человек не подражал хищникам, а убивал животных для того, чтобы получить пищу, и это было главным источником поддержания жизни до того, как он освоил злаки и научился одомашнивать животных. Поэтому нет никаких оснований считать, что охотничий инстинкт возник сравнительно недавно. Любят охоту и даже живут охотой (например, в первобытных общинах современной Африки) сравнительно мало людей, в то время как во время доисторического человечества к ней прибегало большинство, особенно мужчин. Вот почему охотничий инстинкт передается из поколения в поколение. Столетия цивилизации не смогли стереть эти первые следы, возникшие в результате взаимодействия че-

ловека и среды, поскольку угрозы остались (не со стороны, разумеется, саблезубого тигра, а новых видов оружия, вследствие не исчезающего острого соперничества, из-за бедности, неустроенности и т. д.). Жестокое насилие, доходящее до изуверства (например, у немецких нацистских преступников), было свойственно человечеству всегда.

Сам механизм перехода внешних воздействий в соматическую неизвестен, если, конечно, наша гипотеза о причинах злокачественной агрессии верна. Однако не вызывает сомнений, что такая агрессия есть часть агрессии вообще, которая человечеству, как и животным, необходима, чтобы выжить. Следовательно, многое, хотя и не все, в формировании злокачественной агрессии зависит от воспитания, но ни семья, ни школа, ни неформальная группа не учат садизму или некрофилии, точнее, чрезвычайно редко делают это специально. Получать удовольствие от мучений своей жертвы, проявлять садизм, совершать убийство ради убийства – свойство самого человека, непонятной ему, но могучей силы, сидящей в нем самом. Насилие – естественная склонность человека. Не надо забывать, что сама природа агрессивна, когда на планете происходят землетрясения, наводнения, эпидемии и т. д.

Острые конфликты неизменно вредят воспитанию детей, трудовой деятельности, проведению досуга, состоянию здоровья, порождают преступное поведение.

Причины насилия в семье можно разделить на следующие группы:

– внутрисемейные, то есть порожденные отношениями в самой семье, в том числе интимными;

– внешнесоциальные, то есть реализующиеся в семейном насилии обиды, унижения, провалы, имевшие место вне семьи, но компенсированные в ней;

– экономические, то есть созданные низким материальным достатком в семье, плохими жилищными условиями и т. д.;

– «медицинские», то есть вызванные тяжелыми болезнями, особенно хроническими, в том числе психическими, инвалидностью, одного или нескольких членов семьи;

– индивидуальные, то есть связанные с особенностями психологии (и морали, вписанной в психологию) данного члена семьи или(и) расстройствами его психики.

Этот реестр причин может быть подвергнут самой суровой критике, но тем не менее есть возможность говорить о самой главной среди них – об индивидуальных особенностях личности данного члена се-

мьи. Все остальные факторы внутри семьи, внешнесоциальные и другие неизбежно будут осваиваться индивидом, причем в каждом случае в зависимости от его психологии и состояния психики. Расстройство последней, даже временное, может привести к самым трагическим последствиям.

В работе не будут исследованы отдельно каждая из названных групп причин. Объектом изучения станут наиболее важные проблемы семейного насилия для понимания его природы и причин.

Разные по своей природе причины способны переплетаться, не только усиливая, но и ослабляя друг друга в зависимости от того, где они существуют: в каком социальном слое, в какой культуре, в каком регионе. Названные причины могут породить конфликты и противоречия в семье, которые в свою очередь способны вызывать преступное поведение. Но не все преступления бывают связаны с конфликтами в семье, например убийства с целью завладения имуществом или деньгами родственника либо супруга (супруги).

В поисках причин преступного насилия в семье необходимо сосредоточить внимание не только и даже не столько на объективно сложившейся ситуации в ней, сколько на субъективном восприятии ее сторонами конфликта или, если нет конфликта, на внутриличностных переживаниях виновного. Только в этом возможно установление истинных мотивов поведения всех лиц (и в первую очередь преступника) в сложившихся обстоятельствах. Это весьма непростая задача, почти всегда обусловленная сложными отношениями в семье и трудностями их понимания.

В российском обществе, как и во многих других странах, есть низший социальный слой – слой бедняков. Там многие живут за чертой бедности, много безработных или временно занятых в труде, большинство имеет мизерные заработки. Бедняки отличаются низким уровнем общей и профессиональной культуры, интеллекта и потребностей, среди которых преобладают материальные. Они не живут, а проживают, не видя для себя особых перспектив, часто пьянствуют, причем к спиртному приобщаются в 14–15 лет, иногда и раньше, с этого же возраста многие курят и вступают в сексуальные отношения; охотно прибегают к грубому физическому насилию, сквернословят, не проявляют должного уважения к окружающим, в том числе к старикам и женщинам. О хороших манерах они просто не знают.

В этой связи следует посмотреть на статистические данные по России о наименее экономически обеспеченных группах населения. В 2013 г. численность населения с денежными доходами ниже прожиточного уровня составляло 10,8 %, в 2014 г. – 11,3 %, в 2015 г. – 13,4 %, в 2016 г. – 13,3 %, в 2017 г. – 12,9 %, в 2018 г. – 12,6 %. Иными словами, примерно каждый девятый обладает доходом ниже прожиточного уровня. Это составляет 18–19 млн чел.

Названный слой является основным поставщиком воров. Там же чаще, чем в других социальных сферах, имеет место насилие в семье, и там же женщины, не жалуясь, сносят побои мужей или сожителей, боясь потерять кормильцев. Разумеется, этот вид насилия встречается и среди людей, принадлежащих к среднему классу и элите, но его масштабы среди последних намного меньше.

Однако только такой социологический анализ недостаточен для объяснения причин насилия в семье. Его детерминация должна быть адекватно исследована еще и в культурологических, психологических и психиатрических аспектах. Культурологическое исследование предполагает максимальный учет культурной принадлежности данной общности. Например, социальные статусы женщины, ребенка, старика и др. будут разными в разных культурах. Если опираться на религиозные ориентиры, то можно выделить христианскую, исламскую и буддистскую культуры семьи. Но упомянутые статусы важны и в рамках национальной культуры. Так, можно отметить высокий статус девушки (молодой женщины) среди французов или англичан и низкий среди цыган. Но цыганка, старея, все больше повышает свой статус, старая цыганская женщина становится архетипом великой матери с высоким статусом. Различны статусы стариков среди русских людей и народов Северного Кавказа. Перечень примеров можно продолжить, но уже из числа приведенных ясно, как важно учитывать культуру, образованную под влиянием религии и традиций данной нации.

В такой многонациональной стране, как наша, неизбежны конфликты культур в семье. Один из самых распространенных путей состоит в следующем: в Россию приезжает много мигрантов из ближнего зарубежья (бывших союзных республик), в исконно русские регионы мигрируют представители национальных республик России, например Северного Кавказа. И те и другие нередко

вступают в брачные отношения с представителями коренного населения. Так образуются семьи, в которых соединяются представители разных культур, взгляды которых на поведение и образ жизни, особенно в семье, на воспитание детей, на отношение к старшему поколению могут не совпадать и породить на этой почве конфликты.

Иногда названные мигранты из обеих групп переселяются семьями, в которых имеются дети, они начинают учиться в школе и через своих сверстников воспринимать вестернизированную городскую культуру (если семья приехала в город, особенно крупный). Подростки и молодые взрослые начинают вести себя так, как это совсем не нравится их родителям. Начинаются конфликты в семье зачастую с применением насилия к детям, больше к девочкам (девушкам).

Важным источником формирования причин насилия, в частности в семье, является сама семья, точнее, семейное воспитание. Имеется множество убедительных доказательств того, что в семьях с прочными, теплыми эмоциональными контактами, уважительным отношением к детям у подрастающего поколения активнее формируются такие качества, как коллективизм, доброжелательность, внимательность, способность к сопереживанию, самостоятельность, инициативность, умение разрешать конфликтные ситуации и др. Все это делает их коммуникабельными, обеспечивая высокий престиж в группе сверстников. Напротив, чем меньше тепла, ласки, заботы получает ребенок, тем медленнее он формируется как личность. Даже недостаточное внимание, низкая частота общения родителей и детей (гипоопека) по самым разным причинам, в том числе объективным, нередко вызывают у последних эмоциональный голод, недоразвитость высших чувств, инфантильность личности.

У психологически отчужденного от семьи ребенка формируется высокая тревожность при полном чаще всего непонимании ее природы и истоков, неясной для него, но ожидаемой агрессии, в целом восприятие среды как враждебной и, как следствие, тоже враждебное отношение к ней. По механизмам импринтинга подобные контакты с окружающим миром становятся стабильной, хотя бессознательной или плохо осознаваемой установкой. Она может сохраниться на всю жизнь, проявляясь в самых различных формах, – от упреждения мнимой опасности с помощью насилия до постоянного недоверия другим.

Как показали наши эмпирические изыскания, психологические раны, наносимые ребенку жестоким насилием в детстве, «уходят» в глубины психики и начинают вести там автономное существование. Они могут не меняться даже при благоприятных в дальнейшем жизненных обстоятельствах и появиться вдруг в деструктивных и даже весьма жестоких действиях. У мужчин агрессивные вспышки происходят обычно в состоянии опьянения, когда они менее всего контролируют себя. Если объектами их агрессии становятся дети и подростки, это позволяет предположить, что на психологическом уровне они пытаются покончить жизнь самоубийством, нападая на эти жертвы и пытаясь тем самым стереть впечатления своего собственного детства или отрочества. В других случаях они нападают на женщин, которые намного старше их по возрасту, что дает основание думать, что это агрессия против их матерей – опять-таки на психологическом уровне.

Дефицит общения у ребенка с отцом и матерью с негативными последствиями может возникать и по таким уважительным причинам, как их загруженность по работе, длительные служебные командировки, хронические болезни и т. д.

Психологическое отчуждение ребенка родителями не единственная причина формирования агрессивной личности. Нередко это происходит иным путем: у ребенка и подростка есть необходимые эмоциональные связи с родителями, но именно родители демонстрируют ему пренебрежительное отношение к нравственным и правовым запретам, образцы противоправного поведения (например, постоянно пьянствуют, учиняют хулиганские действия и т. д.). Поэтому подросток сравнительно легко усваивает эти образцы, соответствующие им взгляды и представления, которые вписываются в его психологию и начинают стимулировать его поступки. Можно сказать, что ненадлежащее воспитание в семье может стать причиной насилия против той же самой семьи или иной, созданной впоследствии.

Совершенно не обязательно, что при традиционном господстве мужчины в семье, предписанном данной культурой, он станет постоянно принуждать женщину к повинности, а когда нужно, применять для этого насилие. В таких культурах девочка, девушка уже воспитывается так, что она будет вполне добровольно, а иногда и автоматически подчиняться мужчине, в первую очередь мужу, поэтому у него не будет нужды ее за-

ставлять что-то делать, прибегая к силе, или наказывать за что-то, если он не садист и у него нет психических отклонений.

Подростки, по разным причинам не включенные в эмоциональную матрицу семьи, ищут себе другую группу, в которой они способны найти понимание, поддержку и защиту, в том числе психологическую. Обычно это неформальная группа таких же вытолкнутых из семьи юношей и девушек. Такие группы становятся референтными [2, с. 360–427] для каждого из них. Поэтому они будут воспринимать ее ценности и ориентации, в частности включающие в себя насилие как способ разрешения ситуации или привычная форма поведения.

Можно выделить преступников, совершающих агрессивные преступления против члена своей семьи, действия которых имеют достаточно четкий, даже иногда осознаваемый личностный смысл. Здесь имеет место не просто физическое уничтожение другого, но попытка уничтожить жертву и на психологическом уровне. Этот тип сопоставим с самоутверждающимся типом, описанным в литературе.

В этом случае у преступника вызываются такие эмоции, как страх унижения, потери собственного достоинства, попытки любым унижительным способом спасти свою жизнь и т. д. Образно говоря, здесь происходит как бы двойное уничтожение – сначала личности, а потом человека как физического объекта. Мотивация таких действий отличается сложностью и имеет смысл глобального самоутверждения над другим. Корни такой мотивации обычно лежат в крайне жестких и унижительных условиях социализации будущего преступника начиная с его раннего детства. В любом случае подобные условия непосредственно предшествовали совершению преступления, причем они соседствовали и с такими обстоятельствами, которые унижали честь и достоинство человека на протяжении совместной жизни. В противном случае напряжение в связи с постоянным унижением и потребностью в самоутверждении не возникало бы. Результатом, выходом такого напряжения и является убийство родного человека. Оно может быть совершено в отношении любого члена семьи, который объективно вроде бы совсем не должен генерировать напряжение. Это возможно благодаря действию психологического механизма – переносу. Он связан и со стремлением компенсировать собственные аналогичные ощущения, то есть здесь имеет место не только попытка «возвраще-

ния ударов», но и стремление восстановить собственное внутреннее благополучие за счет постановки другого в наиболее унизительную и разрушительную позицию по отношению к себе. Ярким примером здесь может служить следующий:

В., будучи в нетрезвом состоянии, жестоко избил свою жену, нанес ей удары ногами, пытался задушить ее. Одновременно он нанес удары ногами и своему двухмесячному сыну. Жене удалось вырваться и выбежать из дома. После чего В., схватив сына, ударил его об пол.

Как показало исследование, В. испытывал большую ненависть к собственному отцу, указывал на то, что ничего хорошего от него не видел, поскольку тот постоянно избивал мать на его глазах, воспитывал его в атмосфере грубости и цинизма, часто издевался над матерью. Однажды явился свидетелем того, как отец разрубил армейским бидоном нос матери. Удовлетворения от отношений с отцом не испытывал, даже в тех случаях, когда тот брал его с собой на работу, сажал с собой за трактор или когда они вместе ходили за грибами. С большим уважением относился к своей матери, боготворил ее. При его женитьбе мать была против будущей жены. Отношения с невесткой сразу не сложились и были напряженными. Ему мать постоянно ставила условие: «Хорошо, женись, но в дом не приводи». Со своей женой В. был знаком с третьего класса, они сидели за одной партией.

При нашей попытке выяснения отношения жены к его матери он от прямого ответа уходил, «закрывался» и пояснял только, что она матерью ее не называла. Проживая с женой около года, как пояснил В., он постоянно находился «между двух огней». О семье жены отзывался с искренней теплотой. В этой семье были две малолетние сестры жены, которым в течение последних лет потерпевшая заменяла скончавшуюся мать.

Как мы видим, у этого убийцы напряжение возникло с раннего детства и продолжалось всю последующую жизнь, выражаясь в цепи: отец – В. – мать – В. – жена. Поводом к преступлению послужил очередной конфликт между В. и его женой. Причиной послужило накопленное напряжение и перенос его от ненавистной жены, которая конфликтовала с обожаемой им матерью, к своему сыну, который бессознательно ощущался как продолжение жены, то есть, убивая ребенка, он на психологическом уровне убивал жену.

Вместе с тем нельзя не отметить и такой глубинный фактор, на наш взгляд, опреде-

ляющий убийство своего сына: его уничтожение явилось для В. прежде всего уничтожением тяжелых психотравмирующих переживаний своего детства. Собственный сын ассоциировался с его детством, воспоминания о котором и связанные с ним переживания на бессознательном уровне доставляли ему глубокие психотравмы, ликвидация которых на этом уровне субъективно выразилась в совершении данного убийства.

Далее следует отметить, что наряду с перечисленными мотивами, побуждающими к совершению убийства члена семьи, существует и другой глубинный мотив, не менее существенный, – страх смерти.

Страх смерти – это постоянное ощущение, редко осознаваемое и обычно томящееся в глубинах психики. У подавляющего большинства людей образ смерти, мысли о ней вызывают негативные, деструктивные эмоции как нечто неведомое и ужасное. Исключение составляют, возможно, те, которые верят в загробную жизнь, причем в их числе могут быть и нерелигиозные люди. Не вызывает сомнений, что у человечества в целом однозначно негативное отношение к смерти, что способствует формированию аналогичных позиций у конкретных лиц.

Страх смерти способен оставаться в рамках нормы, всю жизнь незримо сопровождать человека и незаметно влиять на его поступки. Но в некоторых случаях, чаще всего в результате эмоционального отвержения родителями своего ребенка, необеспечения его своим попечением, этот страх может выйти за указанные рамки. Тогда личность начинает острее ощущать, что нечто грозит ему гибелью сейчас и необходимо поэтому что-то предпринять, например упреждающие насильственные действия. Острота угрозы далеко не всегда выражается только в том, что индивид начинает думать о неизбежной кончине, ищет и находит ее предвестников, лишь определенным образом объясняет некоторые предметы и события, постепенно подчиняя предчувствиям всего себя. Иногда смертельная опасность представляется ему в отношениях, высказываниях и поступках других лиц, хотя объективно они могут и не быть таковыми.

Как отмечалось выше, наиболее острые ощущения смерти очень часто формируются в результате эмоционального отвержения родителями (в первую очередь матерью) ребенка, его психической депривации в семье. Как известно, ребенок больше всего нуждается в психологической защите, попечении

и любви именно в детстве, в период своей абсолютной беспомощности. Если такое отношение родителей отсутствует, у ребенка не возникает уверенности в своем праве на существование, своей самоидентичности, автономии «Я» от «не-Я», а также, что очень важно, чувства безопасности. Напротив, он бессознательно ощущает себя очень уязвимым и незащищенным, поскольку его оставили те, кто самой природой определен быть попечителем ребенка.

Поэтому страх за свое существование начинают вызывать самые различные явления и окружающие люди. Именно такой страх порождает кровавое насилие, поскольку субъект, уничтожая других, тем самым подавляет в себе страх смерти. Ярким примером тому может служить поведение Сталина и Гитлера, которые к тому же, что особенно важно, тяготели к смерти, то есть являлись некрофилами. Возвращаясь к такому глобальному мотиву, как страх смерти, следует сказать, что рассматриваемые убийцы, ощущая себя вершителями жизней членов семьи, обладают высоким уровнем страха смерти. Совершая насилие, они пытаются ликвидировать этот страх, снизить собственную неуверенность, высокую тревожность, как бы отодвинуть от себя смерть.

Неслучайно страх смерти мы определили как глобальный мотив. По нашему мнению, он является одной из основных побудительных сил у большинства изученных убийц. Эти преступники в подавляющем большинстве испытывали психическую депривацию на этапе раннесемейных отношений, постоянно переживали чувство угрозы своему существованию, ощущали свою уязвимость и незащищенность на бессознательном уровне. Поэтому можно утверждать, что страх смерти как мотив может присутствовать и побуждать к совершению убийств членов семьи.

Вместе с этим страх смерти может выступать и отдельным главным мотивом. В первую очередь, он более наглядно может проявляться, ближе выступать на поверхность у той категории преступников, которая подвергалась различному давлению со стороны их будущей жертвы до совершения ими преступления.

Так, например, несовершеннолетний Б. совершил убийство своего брата Е. при следующих обстоятельствах. Е. ранее неоднократно избивал Б. и С., требовал у них денег, унижал, всячески издевался над ними, нередко в присутствии других лиц. При этом неоднократно угрожал им убийством, причем такие угрозы носили реальный харак-

тер. Об этом свидетельствовал образ жизни Е., положение его в микросреде и все его предшествовавшее поведение. Б. и С. предварительно договорились между собой о совершении убийства Е. В безлюдном месте вырыли яму, спрятали там же ранее принесенный топор. Далее под предлогом совместного распития спиртных напитков и игры привели Е. в заранее подготовленное место. Совместно распивая спиртные напитки, С. отвлекал Е. игрой в домино, Б., пользуясь этим и действуя по намеченному плану, подошел к Е. со стороны спины и несколько раз нанес удары топором, преимущественно в область головы и туловища. Затем, реализуя свой замысел и желая довести его до конца, Б. взял нож у С. и нанес им 15 ранений в различные части тела Е. После чего они совместно с С., все это время наблюдавшим за действиями Б., закопали Е. в заранее подготовленную яму и скрылись с места совершения преступления.

Подобное убийство своего брата берет свое начало именно в существовании страха смерти, причиной которого являлся в данном случае Е. Важно в этой связи подчеркнуть, что братья росли и воспитывались в неблагополучной семье, где существовал описанный выше неблагоприятный психологический климат: родители ими не занимались, не любили их и не заботились о них. Отвергнуты они были и в школе. Вместе с тем постоянное насилие со стороны Е., наносимые им унижения и оскорбления в их адрес также существенно влияли на их статус, на отношение к ним сверстников. Поэтому насилие с их стороны выступило в качестве утверждения и самоутверждения. Практически растерзывая Е., принося ему невыносимые страдания, что называется, без остатка уничтожая его и не обращая внимания на его мольбы (а он молил о пощаде), они ощущали всю полноту и значимость своей личности. Восстанавливая свой статус, они подтверждали свое место в жизни. Грубые отношения в семье и издевательства в отношениях между ее членами могут отражать потребность утверждения своей безраздельной власти.

Существенно еще раз подчеркнуть, что истоки такого страха коренятся в далеком детстве, в раннесемейных отношениях и основываются на природе отношений родителей и детей, в которых последние ощущают свою незащищенность, отвергнутость и высокую тревожность за свое биологическое, а впоследствии и социальное существование.

Связь ребенка с отцом и матерью различна. Новорожденный воспринимает мать сразу после рождения, инстинктивно ощущая в ней самый близкий, более того, единственный для себя объект. Ничего другого в этот период для него не существует. Отца он начинает воспринимать

позже, причем на фоне своей крепкой привязанности к матери. Поэтому есть все основания считать, что связь с ней является фундаментальной, но она может ее нарушить, порождая фрустрацию у ребенка, следы которой могут сохраниться на всю жизнь.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Кернберг, О.** Агрессия при расстройствах личности / О. Кернберг // Психология человеческой агрессивности : хрестоматия / составитель К. В. Сельченко. – Минск : Харвест, 1999. – С. 115–168. – ISBN 985-433-514-3.
2. **Мертон, Р.** Социальная теория и социальная структура / Р. Мертон. – Москва : АСТ : АСТ МОСКВА : Хранитель, 2006. – 873 с. – ISBN 5-17-029089-6 (АСТ), 5-9713-0703-7 (АСТ МОСКВА), 5-9762-0143-1 (Хранитель).
3. **Фромм, Э.** Анатомия человеческой деструктивности / Э. Фромм. – Москва : Республика, 1994. – 447 с. – ISBN 5-250-02472-6.
4. **Элиаде, М.** Словарь религий, обрядов и верований / М. Элиаде, И. Кулиано. – Москва : Академический Проект, 2014. – 384 с. – ISBN 978-5-8291-1591-3.

REFERENCES

1. Kernberg O. Agressiya pri rasstrojstvah lichnosti [Aggression in personality disorders]. *Psihologiya chelovecheskoj agressivnosti* [The Psychology of Human Aggression]. Minsk, 1999, pp. 115–168. (In Russ.).
2. Merton R. *Social'naya teoriya i social'naya struktura* [Social Theory and Social Structure]. Moscow, 2006. 873 p. (In Russ.).
3. Fromm E. *Anatomiya chelovecheskoj destruktivnosti* [The Anatomy of Human Destructiveness]. Moscow, 1994. 447 p. (In Russ.).
4. Eliade M., Kuliano I. *Slovar' religij, obryadov i verovanij* [Dictionary of Religions, Rites and Beliefs]. Moscow, 2014. 384 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTORS

ЮРИЙ МИРАНОВИЧ АНТОНЯН – профессор кафедры уголовного права и процесса Российского государственного гуманитарного университета, г. Москва, Российская Федерация, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0030-3031>, e-mail: antonyaa@yandex.ru

YURIJ M. ANTONYAN – Professor of the Department of Criminal Law and Procedure of the Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation, Dsc. in Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0030-3031>, e-mail: antonyaa@yandex.ru